

ЧЕТВЕРГОВАЯ СОЛЬ

№ 2 2020

УЧРЕДИТЕЛЬ

ООО Научно-издательский центр
«Социосфера»

Главный редактор –

Антон Геннадьевич Хрулёв (Жуков),
e-mail: antonkhrulev@yandex.ru

Редакционная коллегия

Литературный редактор –

Лидия Терёхина (Лидия Ивановна
Дорошина), e-mail: lidiy2305@mail.ru,
редактор –

Марина Владимировна Герасимова,
e-mail: cubernihellady@inbox.ru,
редактор – Анна Сергеевна Коржавина,
e-mail: askorgav@mail.ru,
секретарь – Нина Викторовна Стёпочкина,
e-mail: ninavs@mail.ru

Художник Ольга Кузьмина

Авторы несут ответственность за до-
стоверность приводимых в публика-
циях фактов, цифр, цитат, статисти-
ческих данных, имён собственных и
прочих сведений. Мнения, выражен-
ные в данном издании, являются ав-
торскими и не обязательно отражают
мнение редакции журнала.

Оригинал-макет – И. Г. Балашова

Подписано в печать 14.10.2020. Фор-
мат 60x84/8. Бумага писчая белая.
Усл.-печ. л. 4,75. Тираж 500 экз.

ООО Научно-издательский центр
«Социосфера»
440026, Россия, г. Пенза, ул. Мира, д. 35
Тел. (8412)21-68-14
веб-сайт: <http://sociosphere.com>,
e-mail: sociosphere@yandex.ru

Типография ООО «Амирит»: 410004,
г. Саратов, ул. им. Н. Г. Чернышев-
ского, д. 88, литера У.
Тел. (8452)24-85-33

**Благодарим за финансовую помощь
нашему изданию**

Ивачёва Евгения Александровича
Гостеева Михаила Валерьевича
Табакова Игоря Владимировича

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА

Вера Шестакова. Проведки 4

ПОЭЗИЯ

Ольга Шагапова. Когда кружат сизари 7

ЧЕТВЕРГОВАЯ СОЛЬ

Татьяна Цивина. В сквере Пушкина 12

Вячеслав Грачёв. Рыбак 12

Дарья Зайцева (Макарова). «Колеса стучат и бегут
бесперывно...» 13

Надежда Соина. Похолодало 14

Аглая Смородина. Я свяжу 14

Нина Стёпочкина. Сверчок 15

Татьяна Нестерова. Мальчик Кай 15

Ольга Кузьмина. Анна 16

Галина Акимова. Ветер 18

Тамара Городнова. Осеннее 19

Игорь Табаков. Осень 20

Татьяна Вадюнина. Инкогнито 20

Людмила Захарова. Странно 21

Галина Есипенко. Продажа дома 22

Василий Брехов. О болящих и лечащих 22

Сергей Неёлов. Прощальные парады 23

ПУБЛИЦИСТИКА

От редакции – «Я сению» 24

Ольга Корчагина. И ведь запоют 25

ЮМОР

Илья Царёв. Памятка 26

Раньше ближе 28

До ручки 29

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Вячеслав Киктенко. По графоману тоскую 30

КРАЕВЕДЕНИЕ

Елена Витальева (Винниченко). Место силы.
На Мамаевом кургане. Часть 2 32

НОВЫЕ КНИГИ: РЕЦЕНЗИИ, ОТЗЫВЫ

Геннадий Горланов. Встреча с прекрасным 35

СТРАНИЧКА ДЕТСКОГО ЧТЕНИЯ

Татьяна Сычёва. Кто на ёлке самый главный? 39

На уроке 40

Первый снег 41

Снеговик 42

Художники 42

Снегири 43

ДЕТСКОЕ ТВОРЧЕСТВО

Миша Каширин. Белочка-путешественница 44

Туман 45

ЗАБЫТЫЕ ИМЕНА

Анатолий Дорошин. Почти неизвестный 46

СОБЫТИЯ. ДАТЫ 48

Слово – дело великое. Великое потому, что словом можно соединить людей, словом можно и разъединить их, словом служить любви, словом же служить вражде и ненависти. Берегись от такого слова, которое разъединяет людей.

Лев Николаевич Толстой

ПРОЗА

Вера Шестакова

Вера Владимировна Шестакова родилась 22 ноября 1952 года в городе Пензе.

Публиковалась в альманахе «Четверги». Участница литературного клуба «Я сень».

Проведки

Лет четыреста назад на вырубке дикого уральского леса выросла деревня Кленовка. К 80-м годам 19 века в деревне был сельсовет, церковь без креста, приспособленная под клуб, медпункт и средняя школа, в которую прибыла из Пензы по распределению учительница химии Инга Сергеевна. Ни внешней представительности (невысокого роста, худенькая, голубоглазая), ни жизненного опыта (все свои 20 лет при маме с папой) у неё не было, но интерес к своему учебному предмету и желание научить школьников химии был превеликий. Комсомолка, общественница, она вскоре стала своей среди деревенских активистов.

В школьных буднях время не шло, а бежало. И вот новый год, первый в её самостоятельной жизни. Она встретила его в весёлой компании деревенской молодёжи, собравшейся у неё на квартире.

Веселье через край! Пели песни, играли в снежки во дворе – мороз не помеха. Пока другие водили хоровод, Инга, как когда-то в детстве, широко раскинула руки и упала на спину в пушистый снег: низко-низко над головой подрагивали яркие звёзды.

– Мама, наверное, тоже сейчас на них смотрит, – глаза Инги заблестели не то от слёз, не то от таявших на ресницах снежинок.

Компания села за стол пить чай, и тут-то вспомнили, что физичка Даша коротает новогоднюю ночь на больничной койке в райцентре, с новорожденным младенцем, без внимания друзей. Заседание застольного совета решило послать на проводки самого ответственного члена молодёжной компании – Ингу Сергеевну.

– Правильно! И Даше веселей, и у меня душа успокоится, – обрадовалась Инга.

С пустыми руками по такому случаю идти не годится. Стали обсуждать гостинец: цветы, апельсины, яблоки? Где же взять такое диво, когда автолавка с макаронами и та в деревню приезжает раз в неделю. Инга вспомнила, как её бабушка когда-то наставляла молодую кормящую соседку:

– Главное, репу не ешь, ни сырую, ни пареную, – и ещё много чего перечисляла запретного.

Из разрешённого оставалось одно: пельмени.

Не секрет, что пельмени на Урале – главное блюдо. Как говорится, и в пир, и в мир, и в добрые люди. В каждом дворе в сенях стояли фляги и коробка с морожеными пельменями. Был запасец у Инги, он и пригодился.

Всё складывалось удачно. Сварили пельмени, обернули кастрюлю газетами и полотенцами, завязали в узелок. И транспорт подвернулся кстати: завхоз дядя Пантелей собрался по своим делам в Большие Сосновы, которые, по уральским меркам, были совсем рядом, километрах в двадцати.

Ещё не рассвело. Вместо фонаря в одиночестве стоящей у дороги Инге светила полная луна. Тихо. Только иногда из чьего-то двора затягивала свою тёплую песню корова:

– Мы-ы – му-у, – заявляла о себе кормилица. За забором изредка потягивали собаки. Деревня с её обитателями, встретив новый год, смотрела новые сны.

Модная городская дублёнка переставала спасать Ингу от мороза, но девушка, притопывая, чтобы согреться, беспокоилась, как бы не остыли пельмени в узелке. Но вот и дядька Пантелей на совхозной лошадке.

– Э-ка, Инга Сергевна, в таком наряде я в райцентр вместо Вас сосульку привезу! – пошутил возница и укутал девушку в мохнатый тулуп.

Полозья скользили по свежевыпавшему снегу. Луна, казалось, зацепилась за вершину самой высокой ели и была похожа на новогоднюю игрушку – перламутровый белый шар.

В тулупе было тепло, свёрток с пельменями согревал, и Инга задремала.

– Просыпайся, учителька, прибыли! – сквозь дрему услышала она голос завхоза. – Заеду часа через два.

Девушка пошла к зданию больницы. Снег, набившийся в пушистую оторочку на полах дублёнки, мешал идти, да и кастрюля с пельменями почему-то потяжелела. У крыльца копошился мужчина с лопатой, он увидел посетительницу и крикнул:

– Тётенька Мария, тут к тебе, принимай!

Из двери больницы выбежала на морозный двор полноватая женщина в белом халате, видимо, нянечка. Она ринулась к посетительнице, проваливаясь в снег, и тапочки на её босых ногах за минуту стали как два снежных кома.

Нянечка подтолкнула девушку к распахнутой двери, помогая взобраться на ступени:

– Миленькая, что ж тебя никто не проводил? Как же ты сама в такой морозище? Одинокая, что ли? Не горюй, милая! Считай, повезло тебе: на Новый год подарочек получишь – самое большое для тебя счастье. С таким-то подарочком не только год – вся твоя жизнь счастливой станет!

Инга не ожидала такого активного приёма, да и не сразу поняла, что нянечка имела в виду. Споткнувшись о высокую ступеньку, девушка громко вскрикнула и обхватила обеими руками заветный узелок. И тут раздался истошный призыв тётеньки Марии:

– Доктора зовите! Началось!

Инга, продвигаясь по крашеным деревянным полам больничного коридора, пыталась объяснить и даже сопротивлялась какое-то время напору нянечки. Увидев на двери табличку «Родильный зал», почувствовала слабость в ногах и поняла, что сию минуту пельмени рухнут на пол. Но они уцелели: рядом оказалась кушетка, и Инга благополучно села на неё.

– Парень будет, или девка, или двое, – пообещала девушке нянечка и, изловчившись, выхватила узелок из рук.

И тут тётенька Мария обомлела: ноша была тяжёлая, твёрдая на ощупь и совсем не походила на вещицы для новорожденного...

– Доктора не надо, – наконец-то Инга смогла вставить слово. – Здесь у вас моя подруга Даша Перова, дочку родила. Я привезла ей привет от нашего коллектива, из Кленовки – пельмени, тёпленькие ещё. Пожалуйста, пропустите меня, боюсь, пельмени совсем остынут. Да и дядя Пантелей скоро поедет назад: успеть бы с ним домой.

Тётенька Мария не ждала такого поворота событий:

– На проводки, значит, милая. Ну, к Перовой так к Перовой, – она понимающе вздохнула, – домой так домой...

– С Новым годом, тётенька Мария! С новым счастьем! – поздравила девушка нянечку, которая с такой готовностью взяла на себя заботу о ней и отнеслась бы так же искренне и добросердечно к любой другой пациентке, переступившей порог маленькой районной больницы.

– Кому расскажу – не поверят! – подумала Инга и с улыбкой вошла в палату к подруге, держа в руках вместо цветов и апельсинов кастрюлю с пельменями!

Поэзия

Ольга Шагапова

Ольга Михайловна Шагапова родилась 10 июня 1940 года в городе Красногорске Московской области. Окончила историко-филологический факультет Пензенского государственного педагогического института.

Автор сборника стихотворений «Репейник у ворот», публиковалась в коллективных изданиях. Участница поэтического клуба «Я сень».

Когда кружат сизари

Верую?

Ночь и думы свинцово серые.
Знать, бунтует усталый мозг.
Я охотно пропела бы «Верую!»
Под ударами сотен розг.

На костре воспалённой совести
Я сгореть бы смогла дотла.
И к истокам воспетой «вольности»
Горькой каликою дошла.

Но не видно сквозь чад сомнения,
Сквозь изломы привычных «изм»
Ни пути посрамлённых гениев,
Свято верящих в коммунизм,

Ни удобной тропы подветренной,
Что от всяких проблем чиста,
Ни дороги тернистой жертвенной
Вновь замученного Христа.

Ночь сгущается тёмно-серая,
Даже форточки не видать.
В исступленье твержу: «Я верую!»
А из мрака: «Да полно врать!»

Когда кружат сизари

Когда безмятежно над крышею дома
В сиреновом небе кружат сизари,
Когда еле слышно аккордом знакомым
О чём-то гитара со мной говорит,
Тогда ожиданье не кажется грешным,
Сомнительным выбор меж «да» или «нет».
И осенью хмурой в окне запотевшем
Весёлыми красками вспыхнет рассвет.

Когда мотыльками на сонные веки
Порой предрассветной ложатся слова,
Мелодия чистых старинных элегий
По-прежнему в памяти нашей жива,
Тогда расставанье не станет уроком,
Не будет преступным слияние губ,
Не сыщется места слезам и упрёкам
Обида в душе не оставит заруб.

Когда в полумраке задёрнутой шторы
Ласкаю записку из нескольких строк,
Когда, отражаясь в бокале с кагором,
Мерцает свечи золотой огонёк,

Растают мгновенно сомнений сугробы.
Мне вложит в ладонь путеводную нить
К обещанной встрече наш старенький глобус.
А место и время нельзя изменить.

Леконт де Лиль

Ветхий томик стихов я случайно открыла.
Обо всём позабыв, с ним встречала рассвет.
Всю историю жизни Леконта де Лиля
На обрывке листа мне поведал поэт.

«Острый профиль креола» мерцал на странице,
Как лампада в ночи или звёздная пыль.
По истлевшей земле шли слоны вереницей,
В тёмном небе цвела одиноко Сахиль.
Остров мягко качал колыбель его детства.
Так качает волной лёгкий бриз корабли.
Оставалась Леконту де Лиллю в наследство
Сладкозвучная магия древней земли.

Слов журчали ручьи, рифмы плавилась в солнце,
И рождала элегии сонная тишь,
Но из этого рая манил реюньонца
Одержимый мечтой беспокойный Париж.

Черни яростный бунт как всегда беспощаден,
Но бесплоден. Костром полыхнул и погас.
Расстреляли мечты на шальной баррикаде.
Возвратился мятежный поэт на Парнас.

Распахнула вселенная двери де Лиллю.
Увлекла его таинством древних веков...
Мне жреца красоты в эту ночь подарили
Старой книги листок и поэт Гумилёв.

Дурман

В ажурной дымке древних тайн,
Дитя неведомого края,
Цветёт отчаянно дурман,
На дождь и холод невзирая.

Ещё пышней его кусты
Под осень. Листья только краше.
И ярче снежной чистоты
Цветов фарфоровые чаши.

Но пышный царственный наряд
Не привлекает птичьих стаи:
Ведь ядовитый аромат
Незримо в воздухе витает.

Горька могучая листва,
Остры плодов колючих жала.
Его в искусстве колдовства
Толпа, беснуясь, обвиняла.

Он удалился от людей,
От их укоров и проклятий,
Несостоятельный злодей,
«Посланник звёзд» и врачеватель.

Но лишь опустится туман,
На пустырях и огородах
Цветёт отчаянно дурман,
Забыв обиды и невзгоды.

Альбатрос

В непогоду мне часто снится
Море грозное и утёс.
Там живёт одиноко птица –
С бурей венчанный альбатрос.

Спутник ветра, бродяга-странник,
Злой вешун, моряков кумир,
Он свободой с рожденья ранен
И готов облететь весь мир.

Не терзаем тоской и страхом,
Бездны слушая голоса,
Сильных крыльев единым взмахом
Вознесёт себя к небесам.

И в безмерном просторе света.
Там, где солнце одно царит,
О прекрасной планете этой
С ним, как равный, заговорит.

А внизу громоздятся тучи,
Волны с рёвом несутся вскачь,
И срывает зюйд-вест колючий
Паруса с поломанных мачт.

С пеной волн опереньем схожий
Альбатрос полетит вперёд.
Даже буря прервать не сможет
Бесшабашный его полёт.

Вдруг застыв, акробат летучий,
Белым камнем сорвётся вниз
И добычу свою получит
Он из рук Нептуна как приз.

С ней ударом покончив метким,
В небо вновь всплывёт, не спеша.
И летит за ним прочь из клетки
Тёмной ночи – моя душа.

* * *

Когда исполнить Музы повеленье,
Меня тревожно сердце позовет
Я подниму в просторы вдохновенья
Своих фантазий пёстрый самолёт.

Легко пронзая облака видений,
Он за собой оставит строчек след.
И в их коротком вихревом движенье
Мелькнёт едва родившийся поэт.

ЧЕТВЕРГОВАЯ СОЛЬ

подборка стихотворений участников и гостей
литературных клубов «Я сень» гостей клуба

Татьяна Цибина

г. Пенза

В сквере Пушкина

Вот скверик Пушкина –
Стареющие клёны, тополя,
Автомобильный воздух,
влажностью пронзённый,
И на газонах влажная земля...
Как вдруг над Пушкиным
Взлетает сиреневый воздушный ореол!
Он, как корона, голову венчает
Того, кто радость каждому дарил.
И я его стихами упивалась...

Откуда, почему взвилась сирень над ним?
Подсветкой был сиреневый тот дым...

Вячеслав Грачёв

г. Москва

РЫБАК

Ветхая лодка спит
В тихом течении дней.
Старый рыбак молчит
И отдыхает в ней.

Вспомнил, как шторм захлёб
Волны в борта швырял,
Рыбак не сдавался, грёб
Сквозь неумный шквал.

И небольшой улов
Дома отдав жене,
Сутки проспав готов,
Снова он грёб во сне.

А за окном – апрель
Тихий творил рассвет,
Алую взяв пастель
Да золотистый свет.

Ну, а теперь с утра,
Удочка да причал...
Мимо летят ветра –
Все к Нептуну на бал.

Солью пахнула даль,
Льётся с небес лазурь.
Стало немного жаль
Времени прошлых бурь.

Дарья Зайцева (Макарова)

г. Пенза

* * *

Колеса стучат и бегут непрерывно,
Им рельсы назначили дальний маршрут.
Они удалятся без грязи и пыли,
И все мои планы с собой заберут.
Мечтала, что будем мы парой счастливой,
Но новый тебя ожидает перрон.
Колёса, сливаясь с железкой, игриво,
Легко и бесстрастно уносят вагон.
Утешить смогу ли я сердце с порезом?
Закончились нитки – его подлатать.
Надеюсь, что время, подобно протезу,
Поможет мне снова счастливою стать.

Надежда Соина

г. Никольск Пензенской области

ПОХОЛОДАЛО

Не любишь – не путайся под ногами,
Не иницируй встреч.
Не избалованная дарами,
Сможет тобой пренебречь.
Как бы ты ни был харизматичен,
Самоуверен – Чур!
Игры на сайте ей безразличны –
Прибереги для дур.

Что-то прохладно стало, заметил?
Не за окном – в душе.
В ней прогулялся северный ветер.
Это его клише.
Может быть, завтра будет иначе,
Сложно давать прогноз...
С детства искусно давала сдачи
И утирала нос.

Аглая Смородина

г. Москва

Я свяжжу

Утра майского прохлада на ресницы мои ляжет.
Сквозь коралловые линзы на закат я погляжу.
И свяжжу шаль-паутинку из лесной кудрявой пряжи,
А молочные туманы под подушку положу.

Как мне хочется заштопать лапы порванного света,
И мохнатого котяру за щекой пощекотать.
И подняться по ступенькам в лоно тайное рассвета,
У дождя на тонких струнах, как на арфе, поиграть.

Юнна Стёпочкина

пос. Заря Пензенской области

Сверчок

Под вечер шарманку заводит сверчок,
К мелодии ищет слова.
О чём ты играешь, невзрачный жучок?
Давай, догадаюсь сама.

Тебе нестерпимы ночей тишина
И свет равнодушной луны.
Не греет разбитые чувства она,
Не ведает их глубины.

Когда-то напорист ты был и речист,
Когда-то пускался в полёт.
Фальшивит шарманка, стареет артист,
Но всё ж не сдаётся, поёт.

Мы оба с тобой у зимы на краю,
И, кутаясь в старенький плед,
Такую же песню ночами пою.
И голоса тоже уж нет...

Татьяна Нестерова

г. Никольск Пензенской области

Мальчик Кай

Слово «вечность» давно составлено
Из фракталов слова «покой».
Мальчик Кай, себе предоставленный,
В снежном замке стал сам собой.
Оставайся, Герда, с оленями,
Незабудками и теплом.
Кто познал безмятежность сиреневую
Не вернётся в свой старый дом.

Эти залы полны безупречности,
Нет ненужных вещей и затей,
Всё так просто в простой бесконечности,
Без нелепых людских страстей.

Ольга Кузьмина

г. Пенза

Анна

Когда Анна читает,
качая головой в такт,
Джузеппе смотрит на неё так,
как будто бы прозревает,
с каждой минутой печалась,
многие знания...
– Анна, ты – моя мания.
Анна гладит его, сжалась,
по голове.
– Анна, твои
ноги пахнут мёдом,
ты из детства родом.
Умру – отпой меня, словами опои.
Ибо если не ты, то кто же?
Анна, ты, наверное, святая
и уйдёшь от меня, не страдая,
махнёшь крылом, уезжая.
(Я прощу её, Боже.)

Анна, вслед за твоими шагами
падают еловые ветви,
Анна, верь мне – твоей жертве:
еловое море – цунами.
Лепестки бело-розовой яблони
осыпаются в небо –
быль ли, небыль,
шёпот – обмани.
Слов смола да патока –
яблоневого сок.
– Анна, я одинок, так одинок,
что простил бы врага заклятого.
Джузеппе думает,

чем бы ещё её удивить?
Как стянуть потуже нить
на клубке их жизнью?
Может, прыгнуть с Тауэрского моста?
– Ты знаешь, – говорит, –
Из склепа зеркальных плит
Виднее: моя жизнь – такая сволота!
А я бы полетел вслед
за яблоневыми лепестками!

Анна читает, как будто губами
красных маков даёт обет.
А в её волосах цвета спелой ржи
его рука.
– Хочешь, обескровь меня, заморози!
А в её волосах два майских жука,
опьянённых солнцем. Июль.
Она запускает
фарфорово-прозрачные пальцы
в спелую пшеницу волос,
возводя в нуль
слова. Ловит жуков,
лелеет их в своих ладонях.
Жуки перекатываются в бронях,
поджав лапки, списывая со счетов
мучение скитаний по ладони,
отливая морской солью.

От Анны веет благостью и болью.
От этой чистоты, как от погони,
взлетают майские жуки
с кончиков её пальцев,
кружатся над головой страдальцев:
– Пойдём, мол, поговорим по-мужски... –
жужжат жуки,
осыпая их солнечной пылью,
винильной старинной былью.

(Воспоминаний кружево тки),
Джузеппе помнит волосы Анны,
мандариновые от воды,
всё потому, что обнимает сады
июльский дождь.
– Странно, –
говорит Джузеппе рассеянно, –
Тебе дано было право
уводить, словом
за тридевять земель, но
это и не даёт мне покоя...
Как будто бы ты знаешь всё наперёд.
Я буду ждать тебя у ворот
твоего дома, где цветёт левкой,
где сдавливают горло
от звука твоих шагов,
я буду ждать тебя покорно
до окончания веков.
Ты только вернись,
награди обещанием невзначай.
Ты и я – это всего лишь случай.
Но только ты так тянешь меня ввысь.

Анна в Джузеппе читает
манускрипт, фолиант, роман,
наблюдая смерть и рождение стран –
вот так две тысячи с лишним лет.

Галина Акимова

с. Секретарка Сердобского района Пензенской области

Ветер

Ветер воет, ветер плачет,
Кулаками в двери бьёт,
Вихрем по округе скачет,
Лужи мёрзлые грызёт.

А тоска его – кручина –
О прекрасных летних днях.
Так печалится он, видно,
О своих былых друзьях –

О товарищах надёжных,
С кем денёчки коротал,
О цветах в лугах некошенных,
Где рассвет не раз встречал.

Лето песней отзвенело.
Всё увяло, отцвело,
Пожелтело, облетело,
Речка – хрупкое стекло.

Оттого и плачет ветер,
Кулаками в двери бьёт
И с досады на рассвете
Лужи мёрзлые грызёт.

Тамара Городнова

пос. Бессоновка Пензенской области

Осеннее

Давнишнюю грусть растревожила осень,
Добавила горечь в сомнений бокал.
И листья опавшие ветер уносит
Туда, где никто не бывал.

Летят журавли, с облаками сливаясь,
И годы летят, и сгорают мосты,
А осень, на ветке кленовой качаясь,
Сулит воплощенье мечты.

Игорь Шабанов

г. Пенза

Осень

Каждый год она приходит,
Не здороваясь, молчком,
Лист опавший хороводит,
Кружит яростно волчком.

То краснеет, как девица,
Не скрывая красоту.
То в туманы облачится,
Скромно пряча наготу.

Пробегая, безоглядно,
Щедро сыпет листопад.
Я вдогон вдыхаю жадно
Лёгкий свежий аромат.

То дождём польёт, и лужи,
Укрываясь под зонтом,
Обегаю неуклюже,
Зябко кутаясь в пальто.

Разодета, как царица,
Каждый год, придя молчком,
Погостит, преобразится
И уходит нагишом.

Татьяна Ваюнина

г. Сердобск Пензенской области

ИНКОГНИТО

В ней было что-то от туманов...
И отстранённый нежный взгляд,
и на плечах печаль обманов,
и голубых тонов наряд –

всё женскою дышало тайной
и поэтической тоской –
по слову среди шумов случайных,
чтоб рифмовать строку с судьбой.
Её одолевали звуки,
мучительно рождая слог.
Розарий слов колол ей руки,
но всё ж она плела венок,
вплетая аромат свиданий
и растревоженные сны...
Слагались песни о страданье
и трепетали, как псалмы.

Аюдмила Захарова

г. Никольск Пензенской области

СТРАННО

Странно: лечу...
Чудо страниц
Раннего детства
Сказочной пылью
Льётся на жизнь.
Живы драконы –
Кормят детёнышей
Жижею золота...
Зло то – законами
За окнами тянется...
Тку свой ковёр
Из нитей судьбы,
Из были и боли,
Из золотых яблок,
Перьев жар-птицы.
Спицы колесницы
Быстрее мелькают.
Солнца десница
Одеда перчатку
Из тучи чахлой.
Чаще вещают
Вещие сны ...
И вещи лишни,
И лишены смысла...

Галина Фисиненко

г. Сердобск Пензенской области

Продажа дома

Мы продавали отчий дом.
А он не сразу догадался,
Глазами окон улыбался,
Узнав птенцов в гнезде родном.
Он торопился угодить:
Провёл по комнатам пустынным
И, показав очаг старинный,
Мигнул: пора, мол, закусить.
Дом от любви к нам изнывал,
Не смел в предательство поверить,
Поняв, захлопнул, всхлипнув, двери
И вроде ниже ростом стал.

Василий Брехов

г. Пенза

О болящих и лечащих

1. Почему в медицине принята латынь? Чтобы не травмировать психику пациентов.
2. Многие врачи лечат не болезни, а диагнозы.
3. Больную голову короной не вылечишь.
4. Пока мы думали, не заражены ли мы ложью, оказалось, что уже поражены.
5. Окопная болезнь может поразить каждого, даже о ней не слышавших...
6. Самые близкие те, которыми мы болеем.
7. Всё, что терпит бумага, приходится терпеть и нам.
8. Чем наши грабли хуже заморского бумеранга?
9. Всякие немощи стремятся стать мощами.
10. Время только откладывает любую боль в дальний ящик.
11. Если наша реальность есть виртуальная матрица, значит, мы вирусы основной программы.
12. Между нашими плодотворными идеями и их плодами проходит вся наша жизнь.
13. Хороший угол зрения значительно улучшает и точку зрения.
14. Самый последний довод против отчаяния – «я ещё жив!!!»

Прощальные парады

Как мало нас осталось с той Войны –
Не соберёшь и армию солдат:
Уже ушли на небеса одни,
Другие завершают свой «парад».

Уходят и дивизии, и роты...
И бравурные марши не звучат.
Медали с орденами с позолотой
Прощальным блеском на груди горят.

Солдаты своей жизнью заплатили,
Чтобы страна в достоинстве жила.
Её, как мать родимую, любили –
Она, порой им мачехой была.

Года бегут. И наша песня спета,
И мы уходим в вечности запас,
Но горькая, святая Мать-Победа
Пусть будет светлой памятью о нас.

Уходим мы, прощально шля приветы,
Последние участники Войны,
Последние Вершители Победы,
Не дождались мы в мире тишины.

ПУБЛИЦИСТИКА

От редакции — «Я сению»

Давайте попробуем написать статьи в публицистическом стиле, который характеризуется наличием общественно-политической лексики, логичностью, эмоциональностью, оценочностью, побудительностью. В ней вы сможете высказываться на разные темы, однако желательно, чтобы она была актуальна.

В авторской статье должно быть высказано независимое мнение, выражена собственная точка зрения.

Чтобы ваше мнение звучало убедительно, необходимо хорошо разбираться в том, о чём вы говорите. Возможно, вам понадобится дополнительная информация: поговорите с людьми, знающими проблему, о которой вы хотите написать, зайдите в Интернет...

В публицистической статье главная проблема должна быть высказана в первых строчках. В статье должны приводиться достоверные факты, но читателю запоминаются и интересные детали. Тема должна лично коснуться каждого читателя.

Приведите примеры и аргументы, которые помогут отстоять вашу позицию. В заключении статьи важен завершающий абзац. В нём необходимо повторить главный аргумент и коротко сделать краткие выводы, которые читатель должен запомнить.

Ольга Корчагина

Ольга Васильевна Корчагина родилась 11 июня 1950 г. в Казани. Окончила Пензенский политехнический институт по специальности инженер-конструктор. Печаталась в альманахах «Четверги», «Литературная Канада», в книге «Праздники и памятные даты земли Пензенской» и др. Участница литературного клуба «Я сень».

И ведь запоют!

В тот апрельский день я решила погулять по магазинам. Хватит сидеть дома! Весна на дворе. Неужели в мои, далеко не молодые годы, весна ещё так действует на настроение! А одену-ка я сегодня новую бордовую шляпку!

Вот удача: в маршрутке есть свободное место. Счастливая, я любовалась на весенний город. На очередной остановке вошли двое молодых парней и мужчина средних лет. Парни были явно навеселе: громко разговаривали, хохотали. Мужчина попросил одного из весельчаков передать водителю за проезд сторублёвую купюру. Парень, взявший деньги, вдруг сказал водителю: «За троих». И положил сдачу себе в карман, обращаясь к владельцу денег, добавил: «Мужик, имей в виду: ты уже за нас заплатил». Новый взрыв хохота пьяных оглушил пассажиров. Я ждала адекватной реакции владельца денег и водителя, который понял ситуацию, но рассерженный мужчина, не сказав ни слова, зачем-то поднял воротник куртки и уставился в окно, а водитель только улыбнулся. Вдруг один из весёлых парней, обращаясь к пассажирам, громко заявил: «Так, а почему такие скучные морды? Почему не веселимся? Вы что, не видите, что у нас праздник? А ну, запевай! Запевайте, я сказал, глухие, что ли!» Тут я не выдержала.

– Прекратите хамить, выпили – сидите дома, иначе попадёте в милицию! Вы думаете, окружающим приятно смотреть на ваши мерзости?!

Я надеялась, что остальные поддержат меня, начнут возмущаться, и мы все вместе утихомирим наглецов, но все молчали. Один из хулиганов повернулся ко мне.

– Это кто здесь так смело вякает? Ты, что ли, старая карга?

Его ладонь скользнула по моей макушке и сбила шляпу под ноги пассажиров. Я вскочила со своего места и, не отдавая себе отчёта, бросилась с кулаками на обидчика. Боюсь представить: что было бы дальше, если бы маршрутка не остановилась на очередной остановке, и хулиганы не выпрыгнули из неё.

Юмор

Илья Царёв

Илья Сергеевич Царёв родился 15.07.1992 г. в Польше, в городе Легница.

Печатался в различных сборниках всероссийского и регионального уровней, журнале «Сура».

Лауреат литературной премии имени А. И. Куприна «Гранатовый браслет» (2014).

Участник литературного клуба «Я сень».

Как нужно посещать театр в начале 21 века. Памятка

Начало 21 века, современные технологии, гаджеты, но театр всё так же востребован, и играют в нём всё ещё люди. Правда, несколько изменились правила посещения театра. Об этом и пойдёт речь.

Пожалуй, начать стоит с того, что если вы купили билеты в театр уже давно, и за этот период успели заболеть, то ни в коем случае не сдавайте билеты обратно! Ну и что, что вы болеете, не пропускать же спектакль из-за постоянного кашля и насморка. Стоит обязательно идти, и вы убедитесь, что правильно поступили, когда после первого вашего кашля, его кто-то подхватит в зале. Но все с пониманием к вам отнесутся, и будут вас поддерживать кашлем из разных сторон зала, в конце концов, болеете вы, может, каждый месяц, а на спектакль ходите раз в пять лет.

Следующий момент, это, конечно, ваш любимый гаджет. Ни в коем случае не выключайте на нём звук, вы можете пропустить очень важный звонок от вашего соседа, подруги, собаки. Когда позвонят, то максимально долго доставайте свой гаджет, откуда бы-то ни было, будь то карманы штанов или сумка, неважно. Нужно, чтобы все услышали, либо какая мелодия классная у вас стоит на звонке, либо увидели, какая марка телефона (зачем ещё ходить в театр, если не за этим?!). И если кто-нибудь со сцены скажет,

чтобы вы выключили свой гаджет или убрали звук, смело игнорируйте, вы всё же пришли и себя показать, а не только спектакль посмотреть.

Если же на сцене происходит нечто удивительное, то обязательно достаньте камеру, установите режим съёмки (желательно со вспышкой) на самом большом уровне яркости. Чтобы зрители сзади вас и по бокам смогли понять, что этот момент в спектакле особенный (и заодно разглядеть марку телефона). Не исключено, что ваши соседи потом попросят вас переслать им видео и фотографии. Так как их, видите ли, этим вы сильно выручите.

Если у вас есть хоть какие соц. сети, не медлите и сразу выкладывайте это в Интернет, пока ваша запись не потеряла актуальности. Все должны знать, что вы культурный человек и посещаете театр не для галочки. А если вам писать начнут, то отвечать следует незамедлительно, так как раз человек заинтересовался, где вы находитесь, то его тоже следует туда привлечь. Поэтому вам все только спасибо скажут.

А уж если вам позвонят, то сразу же отвечайте, говорите как можно дольше, чтобы человек, находящийся по ту сторону сети, максимально смог получить культурный заряд, чтоб потом самому пойти в театр.

Обязательно возьмите с собой еду на спектакль, желательно дорожную, чтобы по шороху фольги можно было понять, что это такое. Есть не обязательно в антракте, желательно во время спектакля, голод – не тётка, все знают, поэтому вас поймут. И потом достаньте жвачку, чтобы все видели, что вы заботитесь о своих зубах и не можете себе позволить не освежить дыхание после еды.

На комичных моментах в спектакле следует смеяться максимально громко, даже если никто не смеётся. Вы должны показать, что вы поняли и прочувствовали момент, и чтобы все остальные смогли узнать, что вы культурный и образованный человек.

Если же у вас был праздник (день взятия Бастилии, день рождения кошки, вторник, неважно, какой) недавно или вообще буквально час назад, не стоит откладывать посещение театра. Пусть от вас будет пахнуть спиртным, зато люди поймут, что, несмотря на непреодолимые обстоятельства, вы собрали все свои силы и пришли, и тем самым вы заработаете себе ещё больше уважения.

Следует помнить, что посещать театр нужно периодически, дабы не получить культурного пресыщения. На этом я заканчиваю, и спектакль как раз закончился, да и телефон разрядился, а у дверей меня люди ждут, видимо, недовольные спектаклем, что ж, пойду им расскажу, как надо посещать театр, чтобы оставаться довольным. До новых встреч.

Раньше ближе

Говорят, люди раньше ближе были. И не только потому, что в маленьких комнатках жили по 4–5 человек, да ещё и на общей кухне. Хотя, и поэтому, конечно, тоже.

В прежние времена с женой ругаешься, а весь дом слушает, а потом все советы дают, как помириться. Или чихнёшь, а с верхнего этажа тебе «будь здоров» кричат. А сейчас не то время, да.

Соседи ругаются, там жена не может машинку стиральную включить, муж говорит, что обезьяны в цирке не такое могут, а она не может.

Обидно как-то. За обезьяну. Так ведь ругающимся слова не скажешь, самого в цирк отправят, а то и куда дальше.

Бывало, появится телевизор у кого-то, так к нему все вечером на сеанс идут и смотрят одну передачу, или кино. А щас? Каждый включает, что хочет, на полную катушку, вот и слушаешь, как какой-нибудь бандит банк грабит, а ему говорят, мол, удар, гол, и покупайте наш шампунь, а лечиться нужно огурцами.

А если музыку послушать хочешь, включишь негромко, ну, чтоб для себя, так кто-то же включит, чтоб весь дом слушал. А может, я такую не люблю?! И прибавишь звук, а потом и все прибавят, вот, хотел послушать песню, а слушаешь шум, как на стройке.

Или ремонт кто начинает делать, давай сверлить да по батареям бацать – целый оркестр получается. Раньше зайдёшь и узнаешь, по какому поводу ремонт, возьмёшь и поможешь. А щас придёшь сказать, что у тебя с потолка капает от их протечки, так тебе в ответ, мол, надо было заранее тазы ставить.

И с готовкой щас по-другому. Идёшь по коридору, чувствуешь, воняет на весь этаж, а непонятно, у кого, а так бы зашёл, спросил бы, что за отраву варят. Раньше, на общей-то кухне, подошёл, да сам посмотрел, да и попробовал, пока никто не видит. Так каждый придёт, пробу снимет, и нет уже каши. И не ругались особо. А чего ругаться? За кашей следить надо, вот и последили, потом «спасибо» скажут. А ежели кто возмущаться начнёт, что его кашу съели, так ему картошку припомнят, которую он у соседа съел.

Вот и не ругались, потому, наверно, и ближе были.

До ручки

Моя жизнь была короче, чем у моих братьев и сестёр. Кто-то из них всю свою жизнь только лежал за стеклом или стоял в стаканчике. Мне не очень повезло. Мною всю жизнь пользовались. Я пыталась возмущаться и выплёскивала свой гнев на окружающих, пачкала и их самих, и их работы, но они всё равно продолжали пользоваться мной. Иногда надо мной издевались, грызли, передавали из рук в руки, разбирали и вытаскивали мои внутренности. Долго этого я не могла терпеть и закончилась. Только потом в магазине канцтоваров, в отделе, где нас приобретают, я поняла, что была в руках писателя. Остерегайтесь их! Моё оранжевое тело используют теперь под другие скелеты. Они, как и я, долго не выдерживают. Кто-то пытался теряться, но их находят и мучают ещё сильнее. Я, оранжевая ручка, заявляю, что меня довели до ручки, и я объявляю войну всем, кто нами пользуется!

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Вячеслав Киктенко

Вячеслав Вячеславович Киктенко родился 1 мая 1952 г. в Алма-Ате. Советский, русский писатель, переводчик, литературовед. Автор нескольких книг стихотворений, прозы и множества публикаций в периодике.

По графоману тоскую...

Тоскую по громадному, честному, советскому Графоману. Такому настоящему, с толстой рукописной, плотно зашнурованной папкой. Только увидишь его на пороге редакции (а он почему-то любил по обыкновению белую суконную – парадную! – одежду и летом соломенную, с широкими полями, шляпу), только заглянешь в рукопись – и всё сразу ясно: Графоман. Где ты, дорогой человек, великий прожектёр, мечтатель, радетель за всемирную справедливость? Нету тебя. Вымер, как мамонт.

А кто остался взамен? Свято место пусто не бывает? Не бывает. Взамен остались ладненькие, гладенькие, лысенькие слоники. Иногда до того гладенькие, что кажется – мраморные. Да и графоманами их сразу не назовёшь, сходу не распознаешь. Особенно в стане стихотворцев.

Техника стихосложения на высшем уровне, изошрённость форм и тропов изумительная. Всё знают, всё умеют, всему обучены. Верлибр – на западный манер, без знаков препинания, как правило. А если рифма, то уж такая виртуозная, что сам Семён Кирсанов, виртуоз из виртуозов, языком бы, пожалуй, прищёлкнул от восхищения!

Слушая или же читая их молодые, отлично скроенные стихи, ты искренне восхищаешься и думаешь про себя: «Вот же племя народилось! Они ошеломят мир, они перевернут устаревшие представления, они, они...».

Но вот что удивительно: только окончилось чтение, и ты вышел из зала, как через какой-то десяток шагов по улице, силясь вспомнить, что слушал, чем восхищался, вдруг с ужасом осознаёшь – ты не можешь

вспомнить ни строчки! Да какое там строчки, ты вообще не помнишь ничего. О чём это было? Что это было? И было ли что-то вообще?

И понимаешь – тебя просто надули... не фокусники даже, а ловкие жулики, разводящие людей на «шарики-марики». Напёрсточники!

Боже ты мой, что же это за чародейство творилось в зале? Ведь владеют, черти, всеми приёмами стиха, могут, что угодно наворотить... а стихи через несколько минут смываются в памяти, как смываются самые затейливые, невероятные сны.

И вдруг приходит осознание: да это же просто-напросто новый вид графомании, и только. Техника есть, величия нет...

Вот-вот, ключевое слово нащупано – величие. И вспоминается прекрасная, печальная ода графоману 60-х годов, пропетая Ярославом Смеляковым. Это о том великом и честном графомане, которому писатели и редакторы, собираясь за рюмкой в компании, мечтали поставить памятник.

«Памятник Неизвестному Графоману».

В каждой шутке есть доля шутки. Кормились от громадных рукописей Графомана многие профессионалы. Внутренние рецензии в советских издательствах очень неплохо оплачивались. Очень!

Вот строфа из оды Смелякова «Поэты»:

«.....замыслов величье
Их души собственные жгло,
Но сквозь затор косноязычья
Пробиться к людям не могло...»

И умная Анна Ахматова говорила о том, что в конечном итоге всякое состоявшееся произведение оценивается по величию замысла. А Смеляков отважился воспеть и несостоявшихся. Несостоявшихся гигантов. Вот чего не хватает нынешнему гладенькому, чистенькому, виртуозному графоману, легко преодолевшему тот «затор косноязычья», о котором писал Смеляков, – Величия замысла.

Как ни крути, как ни верти, а если два таких разных поэта, как Смеляков и Ахматова (да и не только они!) говорят об одном и том же, ставят один и тот же диагноз, нельзя не прислушаться. И не затосковать...

По Графоману тоскую...

КРАЕВЕДЕНИЕ

Елена Витальева

Елена Витальева (Елена Витальевна Винниченко) родилась 18.08.1953 г. в Москве. Работала инженером в НИИ и аудитором, возглавляла маркетинговую компанию по составлению базы данных в области производства, культуры и туризма Республики Карелия. В настоящее время ищет свои родовые корни в Пензенском крае. Живёт в Наровчате.

Автор книг «Камни под ногами», «Хранитель», книжной серии « Была усадьба в старой Пензе»; публиковалась в журнале « Культура провинции» и СМИ. Член литературного клуба «Я сень».

Место силы На Мамаевом кургане

Часть 2

Георгий – Юрий – Арий – Егор – Гор. В Древнеегипетском мифе о борьбе бога Гора с богом пустыни и зла Сетом Гор, как и Георгий Победоносец, спасает человечество от гибели. Причём Гор бьётся с Сетом (сатаной) в образе змея. Имя Георгий происходит от древнегреческого слова «георгос», означающее «возделывающий землю». Но мифы говорят, что мирный земледелец перед лицом врага превращается в воина-хранителя Земли-матушки и всего на ней сущего.

Внук Макара Калмыка, воин-землепашец Георгий Фёдорович Калмыков, когда Родина-мать вновь позвала на защиту от страшного врага – фашистских захватчиков, встал в первых рядах под её знамёна – древний символ мужества, чести и достоинства, символ веры и преданности своему народу. Так и осталось его имя, выбитое золотом, на красном знамени в гигантском пантеоне – колесе с вечным огнём на алатыре посередине. Колесо – на вершине кургана, где покоится прах 34,5 тысяч героев, у священной Ра-реки.

Мамаев курган – это место известно всему миру как арена ожесточённых сражений Второй мировой войны. В дни Сталинградской битвы вермахт использовал Царицынскую сторожевую линию как ориентир в степи, в немецких документах и топографических картах она обозначена как «Татарский вал». А высота над центральной частью города Сталинграда (бывшего Царицына), «Мамаев курган», служила важнейшим звеном в системе обороны Сталинградского фронта. Стратегия заключалась в том, что та из враждующих сторон, которая займёт позицию на вершине кургана, сможет просматривать как панораму города в целом с важными объектами, так и заволжские степи, и переправы через Волгу. Битва за Мамаев курган решала исход сталинградской битвы, исход войны, быть или не быть России. Сто тридцать пять суток длилась битва за Мамаев курган: земля пропиталась кровью, покрылась металлом, весной на чёрном обугленном холме не выросла даже трава.

Наши защитники отстояли эту стратегически важную высоту, не пустили фашистов за историческую сторожевую линию, чем обеспечили решающий перелом в ходе всей войны и, в конечном счёте, окончательную победу над вермахтом.

Сейчас эта высота – священное место для всех народов России, для всех людей, кому дороги идеалы добра и справедливости. Теперь это «Курган Славы» с ансамблем-памятником величию духа воинов, которых в тяжёлую годину позвала на помощь Родина-мать. Это её образ, женщины-воительницы с сарматским мечом, навеки высеченной в камне, продолжает звать своих сынов, без разбора национальности и религий, всегда готовых встать на защиту своей земли.

В конце большой лестницы в 200 ступеней – по числу дней Сталинградской битвы, ведущей к пантеону и монументу «Родина-мать зовёт!», справа от бассейна на «Площади героев», расположены шесть парных скульптур. Композиции изображают участников битвы – сражающихся солдат и горожан. Главный скульптор ансамбля Евгений Викторович Вучетич высекал в камне подлинных людей, скрупулёзно изучив их подвиги и лица. Так появилась и самая верхняя композиция «Два бойца, сбрасывающие в Волгу свастику и фашистскую гидру». Два советских воина, русский и мордвин, уничтожают фашизм в образе змея и разламывают свастику, низвергая их в волжские воды. Мордвин – это и есть Георгий Фёдорович Калмыков, Георгий Победоносец из Мордовской Норки.

НОВЫЕ КНИГИ. РЕЦЕНЗИИ, ОТЗЫВЫ

Геннадий Горланов

Горланов Геннадий Елизарович родился 16.03.1941 в Пензе. Филолог, литературовед, поэт. Автор 10 литературоведческих и 11 поэтических книг. Член Союза писателей России.

Встреча с прекрасным

В народе обычно говорят: встречают по одежке, провожают по уму. Именно на эту народную мудрость набрёл я, знакомясь с празднично названной книгой «Букет для друга»¹. Так вот – что касается одежки. На самом деле, получилась она праздничной, светлой и весёлой. На обложке яркие, красивые цветы, собранные с полевых и садовых участков, а рядом помещена ажурная поэтическая лира цвета безоблачного неба. Содержательный смысл книги сразу же становится понятен. С нетерпением перебираю «букет», останавливаясь вначале на иллюстрированном материале – на луговых просторах и опушках леса, на показанных крупным планом садовых цветах. Так и хочется не только удивляться их красоте, но ещё и надышаться ими. А ещё здесь есть и загадочные грибные места, лесная идиллия и разноликость трав.

¹ Букет для друга : сборник стихотворений / под ред. Л. И. Дорошиной. – Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», 2020. – 328 p. – ISBN 978-80-7526-261-5

Возвращаюсь к началу книги, к её аннотации, хочется поклониться авторам цветных фотографий. Используются здесь работы Натальи Каресли, Николая Запяткина, Инны Кузнецовой, Виталия Фатеева, Нины Шеменковой, Нины Стёпочкиной, Марины Герасимовой, Александра Иванова, Натальи Хлопцевой. В. В. Маяковский говорил: «Вот бы к такому платью да ещё б и голову». Что касается платья – мы убедились в его прелести. А каково содержание? Редакторы-составители Лидия Терёхина-Дорошина и Марина Герасимова, члены редколлегии Татьяна Сычёва и Нина Шеменкова потрудились основательно. Букет оказался огромным, в него вошли со сво-

ими цветами 194 автора, представивших 427 стихотворений. Здесь оказались не только писатели-профессионалы, члены Союза писателей России, но и те, кто достигли успехов в поэзии. Им, я полагаю, тоже приятно стоять в одном ряду с Николаем Куленко, Лидией Терёхиной, Михаилом Кириловым, Валерием Суховым, Борисом Шигиным, Татьяной Кадниковой... Названы пензенские поэты, а рядом с ними мы видим представителей других областей – Диану Кан, Михаила Вишнякова, Валерия Токарева, Марчело Менни (в переводе Юрия Самарина), Пати Жана Бернара (в переводе Николая Переяслова).

Не скрою, был удивлён и рад, когда цветы преподнесли мои коллеги, покинувшие земную обитель. Дина Злобина из Чернозерья подарила мне клевер с цикорием, дружище мой Виктор Агапов откуда-то раздобыл весенние подснежники, Фёдор Ракушин из моих родимых Ахун догадался преподнести мне для заварки чая кипрей, припомнив: «От хвори выручая / Вошёл он в обиход / Любовно Иван-чаем / Завёт его народ». Обрадовали своим вниманием Олег Савин и Алексей Карасёв, Матрёна Смирнова и Володя Подольский.

Никак не ожидал, что в обойму дарителей попадут поэты так называемого «серебряного века», с которыми был лично незнаком, но они не стали зазнаваться и предложили мне свои любимые цветы. И я с гордостью

называю Константина Бальмонта, Игоря Северянина, Ивана Бунина, А. Фета и Ф. Тютчева. Своей изумительной «Незабудкой» представлен поэт из Тархан, прославивший Россию, Михаил Лермонтов.

Вот такой разнообразной временной и географической палитрой предстал поэтический сборник «Букет для друга». Разумеется, не всех поэтов с их любимыми цветами я назвал. Читатель может сам посетить «Парад цветов» и получить удовольствие от поэтических букетов, заглянув в полевое «Разнотравье»; побродить в лесных массивах, понять и почувствовать всю мудрость природы поможет «Лесная грамота».

Составители тщательно продумали композицию книги, состоящей из пяти разделов: «Парад цветов», «Разнотравье», «Думы древесные», «Лесная грамота» и «Грибное лукошко». По названиям разделов можно судить о содержании каждого. Так что читатель может выбрать интересующие его темы – любитель грибных полей отыщет для себя лукошко с осенними опятами (Анатолий Аверьянов, Евгения Мягкова, Галина Смирнова-Трубина) и с рыжиками (Михаил Вишняков), и одновременно со свинушками, сыроежками, лисичками, боровиками (Анна Кулакова). С поэтом Виктором Кельхом можно с превеликим удовольствием погулять по сентябрьскому лесу, где «Досель неведомым весельем / Переполняется душа». От переполненного восторга вместе с поэтом захочешь:

Ах, лес! Ты нам врачуешь души,
Даря такую благодать,
Какой талант поэту нужен,
Чтоб лес стихами воспевать.

Несмотря на разные стилевые манеры, читая поэтический сборник, не чувствуешь разноголосицы в ритмико-интонационных структурах, не покидает чувство гармонии и меры. Вероятно, такому ощущению способствует тематическое единство разделов. Будь то цветы или деревья, лесные ягоды или грибы они воспринимаются не отдельными названиями цветов, а букетами, грибы, соответственно, лукошками. К тому же составители книги проделали большую работу, подбирая стихи одного литературного направления – реалистического, в основном силлабо-тонической ориентации.

Не берусь проводить оценочные характеристики опубликованным строфам и строчкам, ибо в таких случаях обязательно проявится субъективизм с моей стороны. Каждый читатель будет решать из своего понимания прекрасного – кто-то больше симпатизирует полевым василькам, а кто-то любит розы. Мальва, полынь, репей уж до чего неказистыми могут показаться внешне. А вот Юрию Тихонову они кажутся «чудом красоты», Исаак Ландо отмечает «глубочайший ум у лопуха». Дина Злобина называет молочай травой-сорняком, от которого всякий дачник спешит избавиться:

Я изучала в школе
как сорную уничтожать траву,
но молочай особенный был что ли?
Смешав в цветах зарю и синеву,
он мёдом пачкал руки и причёску.
Он пчёл манил в дурманящую сласть.
И мне хотелось – с зеленью неброской
к пыльце, росой сверкающей, припасть!

Не правда ли, душевно получилось? После таких строчек поневоле приходится с почтением относиться к молочаю.

Составители демократично предлагают разные варианты. Даже одни и те же цветы, травы, даются в разных исполнениях. К примеру, ромашки представлены поэтическими живописцами в разных манерах исполнения Лидией Терёхиной, Юрием Сурковым, Ларисой Качинской. Хризантемы выписаны Владимиром Давыдовым, Александром Жаткиным, Диной Злобиной, гвоздики – Ольгой Правдиной, Анной Карбаиновой, Константином Бальмонтом. Классику Ивану Бунину конкуренцию составляет Любовь Колесник. В такой демократической ориентации видится мне своеобразие, и я бы добавил, уникальность сборника с его удивительным, прекрасным поэтическим миром.

Приглашаю тех, кто ещё не получил свой счастливый букет, к путешествию в страну поэзии, где лесные и полевые обитатели, похожи своими судьбами на людей. Как написала Татьяна Кадникова: «Цветы – это люди, которые шли... Упали, устав, – и не встали с земли». Давайте, подберём их и вдохнём бесценный аромат природы.

К сожалению, время неумолимо мчится вперёд, всё когда-то кончается. Вот и у меня пришло время расставаться с летом, подаренным авторами поэтической книги. Грустинка остаётся на душе. Успокаивает одно: у хороших книг есть своё преимущество: обращаясь к ней, всегда можно вернуться в любое время года. Стоит только открыть книгу и выбрать любой букет, предназначенный непосредственно для каждого.

СТРАНИЧКА ДЕТСКОГО ЧТЕНИЯ

Татьяна Сычёва

Татьяна Михайловна Сычёва родилась 13 июня 1955 года в Пензе.

Автор нескольких книг прозы и стихов. Публиковалась в журналах «Сура», «Санкт-Петербургская искорка», в альманахах и коллективных сборниках.

Член Союза писателей России. Участница литературного клуба «Я сень».

Кто на ёлке самый главный?

Сны ложатся на подушки,
Утонул в сугробах двор,
А на ёлочке игрушки
Затевают разговор.

Разговор у них забавный:
Выясняют в споре жарком,
Кто на ёлке самый главный?
Кто на ёлке самый яркий?

В разговор вмешался важный,
Старый ватный Дед Мороз,
Стукнул посохом бумажным
И с упрёком произнёс:

«Вас повесили на ёлку,
Чтобы вы могли сверкать.
Вы ж болтаете без толку,
Не даёте мне поспать!

Что галдите вы напрасно,
Кто главней из вас...
Друзья!
И без споров это ясно,
Самый главный – это Я!»

Рис. Лады Киреевой

На уроке

Призывно зазвенел звонок,
Промчался вихрь по школе.
Вновь начинается урок,
А хочется на волю.

И я в окно гляжу с тоской:
Денёк-то солнечный какой!
Летят сосульки с крыши...
Жаль, звона их не слышу.

Вон ходит важно рыжий кот,
Ему прибавилось хлопот:
Гонял соседского кота,
Чуть не лишился тот хвоста.
Вон баба снежная стоит,
Она унылая на вид:
На ярком солнышке слегка
Подтаяли её бока.

Меня сосед толкает в бок,
Лениво он зевает.
Какой закончился урок?
Никто из нас не знает.

Первый снег

Кружит снежок, пуржит несмело,
Затушевал дорожки мелом,
На крыши и верхушки сосен
Косынки белые набросил.

А я уж было заскучала,
Пока ждала зимы начало,
Давным-давно достала санки
И приготовила ледянку.

А снег расходится сильнее,
И за окном пейзаж светлеет,
Напоминает отчего-то
Из старого альбома фото.

Мир разложился на два цвета —
Мне первый снег диктует это.
Он пухом над землёй летает,
Но скоро, кажется, растает.

Снеговик

На пригорке застыл снеговик,
Руки-ветки раскинув радушно.
Он давно к детским играм привык,
Улыбается всем добродушно.

На морковный оранжевый нос
Вдруг ворона крикливая села.
Снеговик испугался до слёз,
Она клюнуть морковку хотела.

И к нему мы рванули бегом,
Проявляя ребячью сноровку.
Отогнали ворону снежком
И покрепче воткнули морковку.

Рис. Лады Киреевой

Художники

Мороз выводит на стекле,
А я – в альбоме на столе –
Рисуем ветку в инее:
Он – белую, я – синюю.

Мороз при свете фонаря
Следит за мною втихаря.
Украдкою слежу за ним –
Как мастер он неумолим.

А я устала малевать,
Решила бабушку позвать.
Но, сделав лишь один мазок,
Она ушла лепить пирог.

Братишка помогать не хочет,
Он о своих делах хлопочет.
И, собираясь впопыхах,
Спешит кататься на коньках.

Сама колдую над листком.
Хотя народу полон дом,
На помощь больше звать не стала,
Рисунок свой дорисовала.

Его к окошку поднесла
И удивилась: «Ну, дела!»
Мороз затейливо давно
Покрывл узорами окно!

Снегири

Какое диво, посмотри:
На белом – райская расцветка!
На инеем покрытых ветках
Расселись важно снегири.

И кто их нарумянил так
И как фонарики развесил?
В пейзаж добавился пустяк,
А вышло, как припев из песни.

Мы через кружево ветвей
Следим за ними осторожно.
Ведь красногрудых снегирей
Увидеть лишь зимою можно.

ДЕТСКОЕ ТВОРЧЕСТВО

Каширин Миша

Ученик 4 «б» класса школы 68 города Пензы. Член клуба любителей книги.

Белочка-путешественница

Я – маленькая Белочка. Живу в дупле дуба. Оно тёплое и сухое. А внизу под деревом живёт мой сосед Ёжик. Мы с ним друзья. Нам нравится вместе собирать орехи, ягоды и грибы.

Я люблю приключения. И есть у меня мечта – сходить в соседний лес. Я предложила Ёжику пойти со мной. Но он только фыркнул: «У меня и тут дел полно!» Наверное, он просто испугался. И я стала собираться одна.

Набрала в рюкзак вкусных орехов, желудей и сушёной малины. Попрощалась с Ёжиком, он пожелал мне удачи.

Я отправилась на рассвете, путь мой был долгим. Встречалось много разных зверей и птиц, мы здоровались и угощали друг друга разными вкусностями. Они показывали мне дорогу.

На опушке чужого леса я остановилась, и мне стало страшновато. Там были незнакомые деревья, и могли бродить волки, которых я боюсь. Но, поборов свой страх, я пошла дальше. Долго бродила по лесу, но не нашла ни грибов, ни ягод. Стало темнеть. Я заблудилась.

Не помню, как набрела на избушку на курьих ножках. Сидит у окошка Баба Яга и спрашивает: «Куда путь держишь, Белочка?» «Потерялась, – говорю, – не знаю, как домой вернуться».

Она оказалась доброй, приютила меня и обогрела. А я угостила её сладкой малиной к чаю. Потом Баба Яга дала мне волшебного Светлячка. «Он приведёт тебя домой», – сказала она.

Я отпустила Светлячка, и он полетел вперёд. А я побежала за ним. Светлячок знал самую короткую дорогу к нашему лесу. Домой я вернулась

уже под утро. Меня встретил Ёжик. Вместе мы поблагодарили Светлячка, и он улетел обратно.

Весь день я рассказывала своему другу о приключениях. И поняла, что дома лучше!

Туман

Жил-был Туман. Он был разным – иногда лёгким и белым, как облачко, а иногда плотным и густым, как туча. Туман часто любовался берёзовой рощицей рядом с рекой, особенно, когда ветер играл с тонкими ветвями молодых деревьев.

Но однажды случилась беда. В берёзовую рощу пришли лесорубы и приготовились пилить деревья. Туман заволновался, стал думать, как помочь берёзкам. Думал, думал и придумал. Он собрал все силы, вмиг сделался плотным и густым. И накрыл рощицу, как покрывалом. Лесорубы растерялись, ведь деревьев не стало видно, и ушли ни с чем.

Туман успокоился, снова поднялся высоко и обернулся белым облачком. В берёзках снова появился ветерок. Снова их ветви зашелестели, и Туману послышалось: «Спасибоооо...», и он улыбнулся.

ЗАБЫТЫЕ ИМЕНА

Анатолий Дорошин

Анатолий Геннадьевич Дорошин (25.05.1936–14.12.2002) родился в г. Воронеже. Окончил историко-филологический факультет ПГПИ. Журналист. Работал в редакциях газет «Пензенская правда», «Молодой ленинец», на областном радио, редактором в издательстве ПИПК иПРО. Автор книги «Мы – мирные люди».

Почти неизвестный

Поэзия сравнима с волшебством, когда гениальная строка вдруг проникает в душу, когда мысль, воплощённая в неожиданном образе, подобно молнии мгновенно озаряет неведомое – тот таинственный путь, который ещё предстоит нам пройти...

Неописуемо причудливым, нередко драматичным бывает жизненный путь самого поэта. Необычайная судьба определила и особенности поэтического творчества Владимира Чернышева.

Настоящее его имя Хуан Мария Фернандо Гарсиа. Он родился в испанском городе Бильбао в 1936 году. Баск по национальности. Когда после мятежа Франко в Испании разгорелась гражданская война, многих детей республиканцев, сражавшихся с фалангистами и фашистскими интервентами, привезли в Советский Союз. Под разрывами бомб и снарядов, после гибели матери, был вывезен в СССР и маленький Гарсиа.

С тех пор его судьба была навсегда связана с Россией, ставшей не только его родиной, но и музой, его страданием и болью. Усыновлённый семьёй кадрового военного, давшей ему новое имя, он во время Великой Отечественной войны вместе с приёмной матерью оказался в немецком концлагере под Харьковом. Чудом оставшийся в живых, был, после освобождения советскими воинами, эвакуирован в Ашхабад. Путь туда лежал через героический, выдержавший невиданный натиск гитлеровцев и обратившийся в их могилу Сталинград, страшные руины которого навсегда остались в памяти. А потом – тяжкий путь обратно, домой, на разорённую Украину. И голодные послевоенные годы... С 16 лет началось познание и

поиск себя в жизни и поэзии. Владимир Чернышев жадно спешил жить, спешил узнать необъятную родину. Украина, Молдавия, Крым, Урал, Сибирь, Север...

Какая великая милость / Дана мне судьбою была: / Приёмною матерью милой / Меня ты, Россия, спасла.

Трудился, освоив не одну рабочую профессию, и учился – сначала в Кишинёвском университете, затем во ВГИКе, наконец, в Литературном институте им. А. М. Горького. Но беспокойный характер, вечно зовущий в дорогу, в новые места, не дал окончить ни одного из этих вузов. Хорошо был знаком с мэтрами советской литературы Михаилом Светловым, Виктором Некрасовым. Константином Симоновым, тесная дружба связывала его с поэтом Михаилом Лукониным.

С 1973 года Владимир Чернышев жил и работал в Пензе. Здесь он написал лучшие свои стихи и поэмы, достиг вершины своего творчества.

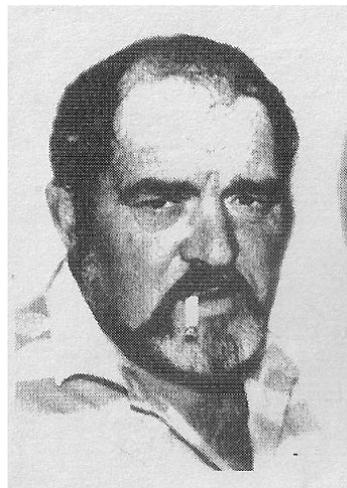
Из всех побед победа над собой / – Вот тяжелейший выигранный бой!

Борение добра со злом, осмысление себя и мира, соотношение личности и государства, служение правде и любовь ко всему живому – это далеко не все темы философской лирики Владимира Чернышева. Стремительный прыжок в историю и органичное слияние давно минувшего с днём сегодняшним – вот что особенно присуще его стихам. Но более всего его волнует судьба России, русского народа. И наконец, рок, довлеющий над всем человечеством, пожинаяющим плоды техногенной цивилизации, угрожающей, в конечном счёте, жизни на Земле.

Лети, моя тройка, лети! / Разлейся малиновым звоном, / О славе былой не скорбя, / В век атомный и электронный / Ничто не заменит тебя: / Ни бег, обгоняющий звуки. / Ни разум мудрейших машин, / Ни все порождения науки, / Лишённые жара души.

Умер Владимир Георгиевич Чернышев в марте 1995 года, не успев сделать всего, что мог и хотел, что было им задумано.

Он почти не печатался при жизни: одна-две публикации. В 1999-м году Татьяна Алфертьева и Лидия Терёхина в сборник «В круговороте перемён» включили подборку Владимира Чернышева «На грани бытия» да в нескольких позднейших коллективных изданиях можно встретить два-три его стихотворения. И это всё.

СОБЫТИЯ. ДАТЫ

Даты памяти

7 ноября – день памяти А. А. Сулейманова

9 ноября – день памяти И. А. Крылова

10 ноября – день памяти П. А. Вяземского

11 ноября – день памяти В. В. Каменского

20 ноября – день памяти Е. О. Белянкина

24 ноября – День памяти С. А. Давыдова

28 ноября – день памяти С. В. Жарниковой

4 декабря – день памяти И. М. Долгорукого

25 декабря – день памяти В. Г. Короленко

26 декабря – день памяти Н. М. Языкова

27 декабря – день памяти Д. Д. Злобиной и Я. Г. Танина (Гельбсмана)

ПОЗДРАВЛЯЕМ с днём рождения:

День рождения Марины Герасимовой – 7 ноября

День рождения Олега Карева – 18 ноября

День рождения Веры Шестаковой – 22 ноября

День рождения Надежды Храмовой – 30 ноября

День рождения Вячеслава Огнёва – 1 декабря

День рождения Сергея Неёлова – 14 декабря

День рождения Лидии Попрядухиной (Смелковой) – 22 декабря

РАЗНОЕ

Литературный клуб «Я сень», журнал «Четверговая соль» совместно с Пензенским отделением Союза писателей России объявляют областной конкурс «Одно стихотворение года». Подведение итогов состоится в конце декабря. Стихи присылать на электронный адрес редакции lidiy2305@mail.ru с краткой биографией автора (Ф.И.О., возраст).